

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ · МАРТ – МАЙ 2004 ГОДА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К МУЗЕ

Пусть я засну в блаженном сне
и мне её лицо приснится,
взлетит неведомая птица
и строго глянет в сердце мне.

Ну, что же, вот опять
развёрнута тетрадь,
опять найти покой,
остановить мгновенье
и жажду утолить
пролившейся строкой.

Губы сжимаются, словно у мертвеца.
Будто у мертвеца.
Губы в кулачок детский стискиваются.
Губы, словно подагрические руки,
Не разжать.
Губы морщатся. Складки на губах.
Около губ.
Морщинистые губы укоряют жизнь.
Сжимаются, обнажаются.
Губы честняги.
Их не спрячешь. Не скроешь.
Они непреклонны. Правдивы.
Предательский рот.

«Поэзия» – слово женского рода, а пишущий стихи – «поэт». В этом уже противоречие. Многие поэтессы настаивают, чтобы их «поэтессами» не называли, а некоторые поэты, напротив, считают, что им только и подобает быть с добавкой «есса». К.К. Кузьминский, составитель и издатель антологии русской поэзии «У голубой лагуны», женщин проигнорировал девять раз (по количеству вышедших книг), другой поэт, Олег Охупкин, его в этом поддерживал: «Во-первых, надо давать всех более или менее видных авторов, разумеется, кроме баб. Пусть они сами сооружают свою клумбу» (см. т. 2А).

Кстати, хочется вспомнить историю о служанке, работавшей у одного успешного парижского художника. Сюжет рубежа 19-20 веков. Она собирала тюбики красок (маэстро ленился выдавливать тюбики до конца), картонки, холстики и тайком писала. Цветы, цветы, цветы. Потом вошла во вкус, качество картин возрастало вместе с их размером, приходилось у хозяина кое-что, не будем говорить «приворовывать», скажем «заимствовать». Служанка прославилась, её работы помещены во многих музеях и лексиконах по искусству, а маэстро, увы, почти забыт.

Не так ли и женщины-поэты? Они заимствуют из творческой лаборатории поэтов-мужчин лучшее, свивают своё гнездо, возделывают клумбу. Мужчина, по природе, энтузиаст, агрессор, добытчик, стремится быть лидером и вожаком. И если чувствует, что духовная пища истощилась, часто уходит на поиск в неизведанные, запретные зоны.

Поэтесс упрекают за самолюбование, приверженность к матримониальным проблемам и пр. Но стихи Ахматовой периода знакомства с Модильяни существенно отличаются от стихов, написанных в то время, когда её сын сидел в тюрьме. Женщина, воспроизводящая жизнь и её оберегающая, постигает нечто главное и существенное, только ей доступное.

Двадцатый век раскрепостил женщин, женская поэзия стала более радикальной и «отвязной», а палитра таких сопутствующих стимуляторов творчества, как алкоголь, наркотики, однозначная любовь, у них не менее обширна.

АКТ №13, в некотором смысле тематический, предлагает лишь малую толику текстов, полученных по E-мейлу.

ИЗ ЦИКЛА «НЕСКОЛЬКО ПОЭМ»

3-я поэма:

1. (4-5. 08. 01.)
 им сумма неизвестна
 воды и неба
 внутри себя им сумма
 неизвестна во
 ды и неба..... слезы - как знак
 дорожный...
 я готова
 легко забыть
 сумму и все известное
 между тем, я берусь
 утверждать, что
 первое слагаемое
 им столь же неизвестно,
 как и второе и
 еще ясный слух и
 еще пребывая в здрав нет в здравом уме и
 вечной памяти...

2. (5. 08. 01.)
 круг
 сделан, но центр его
 велик и
 бесконечен
 Будда сосет там палец
 Христа
 напуган Иисус Спинозой
 незаметным
 неизвестным
 слизываешь черный сок
 с десертной ложечки
 и прислушиваешься к
 чернильному чертику
 прыгающему по черно-белой
 музыке
 а дальше все
 зачеркнуто, света нет светится только
 одно слово, но, к чему оно
 относитчя нет относится, неясно, пото
 му, что придут гости

3.
 квадрат стоит в
 плоскости, перпендику
 лярной плд нет плоскости круга
 даже
 не знаю, кто поставил
 квадрат так
 смешно, что я
 не вижу границ
 квадрата
 так и живем, -
 на пересечении
 зачеркнутых плоскостей,
 в заштрихованной беско
 нечной, как память, линии
 сквозь кипарисы воздух
 ярок и я себя не нет ме
 няю на него.

4.
 о нашей с Вами задолжен
 ности
 помнят только гео
 метрические фигуры
 белым по темному
 говорят о
 серым по черному
 говорят о
 пространстве уюта, не
 созданном нами
 белым по черному
 и ясно слышимому
 кипарису
 а я не знаю ничего.

5.
 у каждого ангела ли спи
 на
 когда
 спиною к тебе пешком
 уходит что-то
 хотя бы что-нибудь
 пусть уйдет
 то
 согласись
 то, согласись, самое
 что и тогда
 у каждого

6.
 невольно
 замкнулось в себе число
 а я ношусь с идеей по
 дорогам
 все забывается
 мгновенно. мгновенный
 дождь,
 старательно, как.....
 избегает число
 делений и сложений
 число незаметное
 неизвестное
 бесчисленное

7.
 число без границы,
 пантера, сумма,
 суммы слов и чисел,
 порядковый номер И. С. Баха
 число-вещь, число, число,
 все
 число, целое
 число
 порядковый номер
 чайника на плите
 куда ни сунешься, - все
 светофоры... заман
 чиво звучит. звериное
 число, как будь нет как будто бы
 кот спит и грезит
 о Пушкине... такие
 брызги...

4-ая поэма.

1.
 эхо мое, где же тебя
 услышать?
 лихо мое, где же тебя
 объять? где
 мне достать
 победу для лиха
 моего?
 где мне пристать
 к берегу катастроф
 что это
 такое как у тебя
 что это что
 теперь делать это
 что теперь что
 что же делать

2. (9. 08. 01.)
 кто-то чем-то живет
 кто-то что-то чем-то рас
 крашивает
 крашивает
 раскрашивает без особого
 желания, просто раскра
 шивает, восстанавливая
 структуры, а в левой
 руке у кого-то что-то
 зажато, и тихо, тихо
 от этого от
 этого всего отойди от
 этого, тихо, тихо,
 ведь кто-то чем-то живет

3.
 ...и где некогда жечь
 свечс нет свечи
 что-то живое не на месте
 и не дышать?
 некогда не дышать вы
 появляетесь, как файлы на за
 боре

4.
 я зацепилась за старин
 ный атриб нет атрибут какая
 польза мне в мо
 литве, ем нет если это все
 все та же ночь и
 срезан
 лист магнолии

5.
 молитва-встреча
 дана была, чтоб обещать
 друг другу
 разлуку. резануло
 слово "польза", и за ру
 ку схватили так
 жестко, но уж боль
 прошла к тому моменту,
 и
 обещала разлука
 молитву
 бесполезную и
 безвозвратную в
 листве запутавшуюся но
 в волосах был запах о
 "ничто"...

6.
 какие
 грустные стихи. впервые в жиз
 ни я грустно
 положу
 ту книгу в ящик
 стола и грустно буду волно
 ваться всю
 всю жизнь о той, которая
 достанет книгу и
 ты носишь пустоту. она тебе
 идет. я притворюсь влюб
 ленной и надену платье
 из кожи собственной. немного
 непонятно, зачем Амуру
 мы и что молчит в
 Амуре...

7. (15 - 16. 08. 01.)
 законом Солнца созданная тв
 нет созданная
 ткань
 никак не
 оценивается. в
 углах пространства все во
 рона мечется... я -
 сыр, ты - боль, а кто
 лисица? - бог? - и уточнить
 оттенок
 фиолетовых рыданий
 ненормальных
 "Бог, избави от сыра
 как-нибудь..." тебя
 найдут конкретно в
 кожу нет найдут конкретно в
 коже, если ты
 запишешь дату. и
 и ведь ты запишешь дату...

600 БАКСОВ

Новый русский предложил мне интим.
 – Я даю шестьсот баксов.
 Я не хочу быть один.
 Мне нужна просто женщина,
 Которая будет меня кратковременно любить,
 С которой не о чем молчать
 И можно просто говорить.
 Я встречу тебя на своём синем джипе,
 Сначала мы с тобой просто выпьем.
 Я сказала: «Буду думать.
 Буду думать два дня».
 Он сказал: «Почему так долго?»
 Я сказала: «Дай подумать толком
 Ровно два дня.
 Шестьсот баксов – они спасут, спасут меня.
 Мне так хочется шестьсот баксов,
 На них можно так много всего купить.
 На них можно так долго, так долго
 Спокойно жить!
 Шестьсот баксов, шестьсот баксов – вот это да.
 Шестьсот баксов, шестьсот баксов – ба-да-да!
 Но я скромный, нескромный русский поэт.
 Я сказала новому русскому нет.

ТЫ ХОТЕЛ БЫ ВИДЕТЬ МЕНЯ СЛАБОЙ

Ты хотел бы видеть меня слабой,
 С радикулитом на жопе,
 Изогнутой, как сабля в сакле,
 Кряхтящей, еле передвигающей ноги,
 Может, исторчавшейся наркоманкой, как Джоплин,
 Может нервной алкоголичкой
 С маленьким, преувеличенно деловым личиком,
 Может, сидящей в кресле, парализованной,
 Обездвиженной и нереализованной.
 Ты хотел бы видеть меня такую,
 Беспомощной, и уже совсем не злою,
 С катарактой, залепившей глаза,
 С пергаментным лицом, по которому катится слеза,
 Полностью зависящей от твоей кормящей руки.
 Беспомощных женщин любят русские мужики.

И Я ДВИГАЛАСЬ ОТ САМЦА К САМЦУ

И я двигалась
 От самца к самцу,
 От самки к самке.
 Я изучала их способность к любви
 И другие повадки.
 Мне нравились сильные мужчины,
 Способные на безумные поступки.
 Мне нравились добрые женщины,
 Которые не кладут соперниц мордой ниц,
 Чьи шутки не похожи
 На лилипутские иголки.
 О, злые самки,
 Лобковые холки!
 Вы – не овечки,
 Вы – злые волки!
 О, мужики, исчадь ада!
 Вам никогда давать не надо

Этот город – белорыбица
 На меня бледным оскалом лыбится.
 Небо Петербурга – твой цвет высосал вампир!
 Я лежу на дне твоей плоскости,
 Вся состоящая из энергетических дыр!

РАДОСТЬ

Мой бывший любовник нассал в постель моей подруги.
 Вот радость-то какая!
 Он дошёл до полной моральной разрухи!
 А зачем он это сделал – он, видно, и сам не понял.
 Ещё меньше поняла это моя подруга.
 Дух её этим поступком был, очевидно, сломлен.
 С парнями у нас одинаковая невезуха.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ

Любимый мой,
 Ты где-то сдох
 На той далёкой, на афганской.
 Зелёный мох теперь растёт
 И тлеет цинк.
 И соловей поёт
 В той пустоте,
 ГДЕ...

Любимый мой,
 Ты не родился,
 Твоя мамаша сделала аборт.
 С тобой мы целовались б в рот,
 И трахались как надо,
 Продолжая род.
 Но соловей теперь поёт
 В той пустоте,
 ГДЕ...

Любимый мой,
 Ты постарел,
 Твой член обмяк и искривился.
 И наш роман не состоялся.
 Я хороша ещё,
 А ты – урод.
 И соловей теперь поёт
 В той пустоте,
 ГДЕ...

Любимый мой,
 Ты слишком юн.
 А я уже немолодая.
 Я вся сентябрь.
 А ты – июнь.
 Где середина золотая?
 Уныло бродишь у ворот,
 И соловей опять поёт
 В той пустоте,
 ГДЕ...

Любимый мой,
 Ты слеп, как крот.
 И я совсем, совсем слепая.
 Мы ползаем во мгле,
 Почти соприкасаясь,
 Любимый мой меня не узнаёт.
 И соловей во тьме поёт,
 В той пустоте,
 ГДЕ...

ОДНАЖДЫ

Я однажды проснулась
 Посреди двух самцов.
 Оба были прекрасны
 Среди утренних снов.
 Я обоих любила.
 Оба были милы.
 Я двоих утомила
 Среди ночи золы.
 Солнце в окна смотрело.
 Я смотрела на них.
 Мне двоих было мало.
 Мне хотелось троих.
 А потом я проснулась
 На постели одна.
 В окна дули метели
 Из январского дна.
 Виновата в том жадность.
 Всё ушло, словно дым.
 Лучше были бы двое,
 Но один за другим.
 Или лучше не двое,
 А надолго – один,
 И любил меня б просто,
 Словно престолоюдин.
 О, к чему эта нега
 Шелковых простыней?
 Может всё-таки двое?
 Будет им веселей?
 А ещё лучше трое
 Превосходных парней...
 За окном снова солнце.
 Я среди простыней.

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

И запах тёмных подворотен
 Так утомителен и рвотен.
 Дома черны как ужас ночи,
 Красны, как под пожаром дым.
 Кирпич в узорах червоточин.
 Здесь смерть приходит к молодым.
 Из труб вонь пищевого тлена.
 О, приоткрой своё колено!
 На фоне заводских пейзажей
 Чуть-чуть тебя измажу сажей.
 Здесь, в детстве, среди тополей
 Средь люков пара белого
 Я в школу шла,
 Как всхлип соплей,
 Грязь под ногами бегала.
 И, словно демоны в крови,
 Что осенью милуются,
 Закат пылает и горит
 Над Заозёрной улицей.
 Здесь, где кварталы для рабочих,
 Маньки с девочек нас не спускали очи.
 И как я только целку сохранила,
 Путь в школу пролегал сквозь строй дебилов.

Дышать
 твоим огнём,
 вырывающимся из твоих ноздрей
 лежать
 под тобой ровно
 позабыв о бре-
 нности тел
 и
 неслиянности душ.
 Кончил?
 В душ.

К РУССКОМУ ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Поматерись немного.
 Поматерись.
 Такой вот материк мы населяем.
 Такая жизнь.
 Непробиваемые стены.
 Убогий быт.
 Раздуты от усилий вены.
 И день убит.
 Никак удача не приходит.
 Никак.
 Идешь опять по кругу,
 Большой ишак.
 И нет нигде просвета.
 Нигде.
 Суть русского интеллигента –
 Жить в нищете.

ПЕТЕРГОФ

Какой-то дуб.
 Зернистый, ноздреватый.
 В прыщах зелёных желудей.
 Ужасно хочется любить людей.
 Но как-то больше замечаешь лошадей –
 Такие крупные, лоснящиеся звери!
 Их зубы крепки,
 Словно двери.
 И задницы, как будто у людей.
 Но только выглядят мощнее и добрей.

ПОЛЮБИ МЕНЯ

Полюби меня маленькой кошкой,
 Или глупой больной гиеной,
 Или старую черепахой.
 Мне нравятся ресницы твоих взмахи,
 Мне нравятся пульсации в твоих венах!
 Полюби меня облаком сверху,
 Полюби меня лужей у дома.
 Полюби меня мягкой, в стогу сена,
 Или жёсткой, в форме ОМОНа.

Пишу не те буквы,
Произношу не те слоги,
Говорю не на том языке,
Люблю не того человека,
Ращу не тех детей,
Ношу не то имя,
Хожу не по той земле,
Живу не ту жизнь...
Найдется ли тот,
Кто объяснит все это?

А я-то думала, что навсегда уснула
В гробу хрустальном с яблока огрызком
В натружено-беспечной пятерне,
И что теперь один лишь ангел смерти
Своим прикосновением разбудит
Для новых испытаний и тревог.
Как бы не так! Похоже, продолженье
Само собой возникло. Гроб хрустальный
Растаял льдом весенним. На ладони
Новехонькое яблочко с надкусом,
Живое и хрустящее. О, Боже,
Чудны дела Твои! И чуден дивный лик
Очередной земной моей печали.

АСИММЕТРИЯ

Никогда не поймет Восток Запада –
и наоборот,
никогда не поймет художник поэта –
и наоборот,
никогда не поймет мужчина женщину –
и наоборот,
никогда не поймет человек Бога...
Так о чем мы все
как ни в чем не бывало
говорим,
говорим,
говорим?...

ВТОРОЙ ЗАКОН ТЕРМОДИНАМИКИ

На мертвом – в перспективе – языке
Не знаю, что сказать: слова немеют,
Как левая рука при нездоровье,
И смысла нет изобретать лексемы,
Не лучше ли, точнее, не разумней ль,
Не впору ль начинать учить язык
Стихий и первоэлементов? Но и космос
В континуум распада погружен...

УТЕШЕНИЕ ТЕЛЕВЕДУЩИМ

По крайней мере,
ваше лицо не скомкают
и не бросят в урну,
на нем не будут чистить картошку
и, тем более, селедку,
в него не высморкаются
и не используют вместо
туалетной бумаги.
Его можно только изъять –
нажатием кнопки.
Но это не больно!
Не больнее,
чем все остальное...

В.Верейской
Когда рубят деревья,
особенно в твоём
навечно родном дворе,
будто что-то в тебе самом обрубают:
обривают наголо
твое детство,
ощипывают, как курицу,
твою юность,
пинают, как шелудивую кошку,
твою зрелость,
поливают бензином и сжигают
твою старость –
будто мстят кому то,
а кому –
вряд ли сами догадываются.

Тело – для роста боли,
Душа – для роста страданья,
Лишь дух – просто для роста.

ВАРИАЦИИ

1.
Женщина создана для одиночества:
Переживать мужей,
Провожать на войну сыновей,
Отпускать дочерей,
А потом кротко ждать
Своего единственного –
Ангела смерти.

2.
Истерзал душу
никому не пригодившейся любовью,
Измельчил ее
нищетой,
Ожесточил
одиночеством.
Это и есть –
единственный путь к свету?
А что,
других не бывает?

3.
Все мои птицы улетят,
Все мои рыбы уплывут,
Все мои реки засохнут,
Все мои травы завянут,
Все мои цветы опадут,
Все мои камни застынут,
Все мои слова онемеют,
Все мои любви иссякнут,
Все мои звезды погаснут,
Когда засияешь Ты –
Ослепительный!

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

«Как вы думаете, –
Обычно с вызовом
Спрашивают меня,
Пожилую клоунессу,

Молодящиеся дамы, –
Сколько мне лет?»,
Ожидая услышать
Невероятное...
Что ответить им
С моим безошибочным
Чувством времени,
Подобным китайскому
Чувству сторон света?
Что, если я и ошибаюсь
В суточном варианте,
То не больше чем на пять минут,
А в возрастных границах –
На два-три года?
Что ваши подтяжки
С отсасыванием жиров
И все остальные ухищренья
Могут обмануть
Только мужчину?
Да и то не слишком
Ваши интересующегося?
Разочаровать или солгать?
А это уж в зависимости
От очень многих вещей –
Всех и не перечесать...

**ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ
НОВОГО ТЫСЯЧЕЛИТИЯ**

Руки твои
полны ветра,
Ноги твои
полны силы,
Кожа твоя
полна утра,
Волосы твои
полны света,
Губы твои
полны счастья,
Голос твой
полон лета,
Дыханье твое
полно меда,
Уши твои
полны ритма,
Мысли твои
полны страсти,
Глаза твои
полны жара,
Тело твое
полно жажды,
Лоно твое
полно зноя,
Семя твое
полно жизни,
Сердце твое
полно битвы,
Кровь твоя
полна бреда,
Память твоя
полна ночи,
Душа твоя –
переполнена
Отсутствием
чего бы то ни было...
Знаешь ли ты,
кто скажет тебе:
«О, как ты совершенен
человек
нового
тысячелетия!»?

ШИКСЕ ВСЕ МОЖНО

Ой, мама, мама!
Она не блюдет субботу,
Говорит: на что человеку суббота дадена?
Да как с плеча рубанет кусок говядины!
Ой, мама, мама! Если б она рубила, да осторожно!
Ничего, сынок – шиксе все можно.

Ой, мама, мама!
Она не соблюдает кошера.
Жрет осетрину и льет кровь в компот,
А как вечер наступит – водку пьет.
Ой, мама, мама!
Если б пила со мною, да осторожно!
Не грусти, сынок – шиксе все можно.

Ой, мама, мама!
Кажется, она мне изменяет.
Говорит: лучше бы тебе удавиться!
Ах, сынок, что это поменяет,
Но твой папа может сильно удивиться,
А зачем это нужно?!
Пусть давятся, кому все можно.

ДРОЗД – ПТИЦА ПРОМЫСЛОВАЯ

Пугала ярость алчущих дроздов,
Когда стремительным шуршащим коллективом
Они атаковали мирный ряд кустов,
Едва не опрокинув банку с пивом.

Завороженные соитием кустов и стаи,
Дрожанием листов, мельканием хвостов,
И удивленные исчезновением урожая,
Зеваки дачные привстали, позабыли сесть,

Но, слава богу, у плодов защитник есть –
Старик хозяин нажимает на курок.
Всех выстрел оглушил. Один – кувырк!
И прямо на порог... И в супе насмешил.

СОН БАЛЬЗАМИНОВА

Спит горшок ячменной каши,
Пахнет вяленным грибом,
Из-под двери у мамыши
Тянет давленным клопом.

Пала ночь. Набухли вежды.
Я мечтами окружен.
В обстояньи злой надежды
Провалился в страшный сон.

Будто я ползу в перины
Тесным сереньким ужом,
Будто папенька с картины
Грозит каменным ножом.

Будто куст я бальзамина,
О горшок корнями трюсь,
Напрягусь, и треснет глина –
Я на маменьке женюсь.

За все приходится платить
Нам по счетам когда-т.
Листаю пухлый томик квит,
Берусь за калькулят.
Но быстро истощаю разм
В подсчете киловатт.
Мне жалко разма моего –
Берусь за томик твоего
И нахожу цитат.
Он все во мне перевернул!
Хотелось откликат.
Рука – к перу, перо – к листу
И строчет рецензат.
Мелькают строчки вкривь и вкось,
Кругом ужасный вид:
Отброшен на пол калькулят,
Растрепан томик квит!
Пришла жена и говорит,
Вдувает что-то в уш.
И лишь, затрещин получив,
Расслышал слово «муж».
Пока поставил «тчк»,
Пока снимал свой драп,
Услышал в темном уголке
Нежнейший женский храп.
Завел печально наш будил,
Чтоб утром рано встат.
Встаю! Какой же я мудил!
К подруге жизни опоздат,
В квитках не считан киловатт,
Ногой раздавлен калькулят,
В поту хватаю рецензат –
На белом листике в углу
Чернеется цитат.

Пришли мне весточку. Звонок или письмо –
Отличный путь, но нам он не доступен.
Стань облаком, синицей, теплой тьмой,
Стань сновиденьем, снегом стань зимой –

Я догадаюсь. Только воду в ступе
Чего толочь? Скажи мне, чем живёшь?
В каких чертогах празднуешь отныне
Начало осени? Там, на чужбине,
Ты горьких вод забвения не пьёшь.
Ты, верно, снова хочешь возвратиться –
Стучишься птицей в стылое окно,
Качаешь веткой с тихой укоризной...

Попробуй лучше ночью мне присниться.
Я буду думать, что смотрю кино,
Что не сидели мы за горькой тризной.

Пришли мне весточку. Я жду её давно.

Не жди тепла. Но, веку вопреки
Без причитания, и жалобы, и вздоха
Дверь распахни. И жуткая эпоха,
Ворвавшись, разнесёт прозрачные листки.

Не жди, не верь, не бойся, не проси...
О, чёрный список заповедей гневных!
От яблока познания вкусив,
От льдов седых до синих гор полдневных,
Мы помудрели на святой Руси.

Уходит Век. Серебряною ложкой
На первый зуб свободу получив,

Он промотал отцовское наследство.
Нет, не проси найти от века средство.
Дорогой тяжкой ноги натрудив,
Мы птицам на ходу кидаем крошки.

И если ждём тепла, то – вопреки,
Как семена добра, храня стихи.

Не умея прощать
Мы легко научились прощаться
И влюбляться на час,
И встречаться не веря в любовь.
Так легко обещать,
Что, вернувшись, мы встретимся вновь,
А, придя, обнаружить,
Что некуда нам возвращаться.

Но куда же, куда
Эта горькая жизнь нас заносит?
Не умея любить
Мы неверьем больны и сомненьем.
Нас учили с печалью
Глядеть на свое поколение
И с восторгом смотреть,
Как багряная царствует осень.

В Царскосельских садах
Шелестя золотым одеяньем,
Что упало к ногам
Трепеща в ожидании ветра,
Мы взметаем листву
И, бледнея, слова для прощанья
Собираем в горсти,
Словно нищий – чужие монеты.

Ночь – это смерть
Или смерть – это чёрная ночь.
Прочь уходи,
Вам никто не сумеет помочь.
Фараона страшней
И безумнее Ирода власть,
Что пирует в крови
И ещё натапцуется всласть.
Уходи, уезжай, улетай,
Увози стариков.
На ветру, как былинка, истай,
Не оставив следов.
Пограничной черте
Оставляя родные слова,
Растворись в черноте,
Где, смертельная, лжёт синева

Не ждать, не помнить, не любить,
Не жить надеждою, не верить,
Закрывать все окна, затворить
На веки вечные все двери.

Забывать, уснуть, не видеть снов,
Не ждать участия и заботы,
Не говорить заветных слов,
Не праздновать канун субботы.

Не зажигать высоких свеч
Подальше спрятать семисвечник.
Спасеньем вечным пренебречь
И в чёрный ад попасть навечно.

Невнятная лира звучала в душе
И пела невнятно о бедной душе,
И пела невнятная лира...

И были стихи до того хороши,
Но так непонятны, а так хороши,
Как нам бесконечна стихия...

И длилась в стихах бесконечная боль,
И длилась душа в бесконечную боль,
И длилась душа бесконечно...

И пела стихия невнятный мотив,
И пелся невнятный душевный мотив,
И пелся мотив бесконечный

чёрные бутылки, белые лимоны
синие тарелки, жёлтый виноград
красные салфетки, серые плафоны
в золочёной раме заоконный сад

на почётном месте кубок футболиста
фотоаппарата кожаный футляр
негашёный чистый лист филателиста
«графы Монте-Кристо» старый экземпляр

корм для черепахи в миске для собаки
на песок просыпан сахарный песок
фикус придорожный, пафос невозможный
в тёмном кабинете кровь на пистолете

Амбарная книга лежит на столе
Большая лопата лежит на снегу
Противная кошка сидит на руках
Бесшумные мысли на каждом шагу

Дешёвые стулья стоят на полу
Амбарная книга лежит на столе
Холодные губы лежат на щеке
Задорная песня мешает уснуть

Жемчужные цепи висят и висят
Учёные дети едят и поют
Амбарная книга лежит на столе
Калининской станции нет на Земле

Любимые книги лежат на шкафу
Молочные зубы никак не растут
Наверное, в тюбиках нет ни черта
Амбарная книга лежит на столе

Амбарная книга лежит на столе
Тургеневской станции нет на столе
На грязной тарелке чего только нет
Доходное место на каждом углу

И вроде подходит, а нет ни черта
Амбарная книга лежит на столе
И вместе мечтали, а нет не могу
И нет ни черта, а лежит на столе!

сладенький запах петуний для нюней
сумочка-пумочка, кто-нибудь клюнет
баночка – мёд, золотое пиво
солнышко, дождик, живётся легко

брючки на штучке, на ручке звоночек
сколько примочек для ласковых ночек
потных пустышек, свиных пятчиков
крепко зажатых внутри кулачков

громкие песни и тихие стоны
томные позы взаимно влюблённых
розочки, звёздочки, сказочки, смех
для наслаждений, забав и утех

я родилась четырнадцатого мая
а раньше месяц апрель
за этой буквой теперь другая
а прежде было “а”, “л”

покуда я по заданной теме
пропеть успела пять нот
тринадцать раз за это же время
любви сыграли фокстрот

в варенье палец, язык в кефире
и все слова во вранье
ушедшего имени буквы четыре
и нет в помине “н”, “е”

на серой дорожке перо вороны
прозрачных луж декольте
вокруг одиннадцать листьев клёна
и два окурка “LD”

Что ты, Серый, где нам проставляться,
Снова за палёной посылать,
Словно бесприютным оборванцам
Насаться* по базе досветла.

Сушатся на вытертой бечёвке
Куртки, телогрейки и штаны,
Свалены бахилы и кроссовки
К батарее ржавой у стены.

Нам ли разговаривать, Серёга,
О былых семейных пустяках,
Нам и так с тобою слишком много
На двоих в гранёных стаканах.

Помнишь, ночевали на морозе,
В кунге* одеяло расстелив,
Головами на кручёном тросе
И по пьяни кончить не могли.

Как ломились в запертые двери,
А из душа капала вода,
Вряд ли мы с тобой друг друга встретим
Через год и даже через два.

А начнут прикалываться, хуй, блядь, -
Это всё такая, брат, фигня!
На пол скинь всю высохшую рухлядь
И валяйся, глядя на меня.

Так смешно расслабленное тело,
Так привычно ленится душа,
Так сидела всё бы и сидела
И сидела, трусики суша.

*argot (ред.)

ЗАПИСКИ НАТУРАЛИСТА

Мы с Николаем на нудистском пляже
Лежали, не подозревая даже
О том, что нам увидеть суждено
В сознание распалляющем мираже.

Мы это место выбрали давно
И звали мы с собой подружку, но
Пришлось признать, что некоторым людям
На людях обнажиться не дано.

Гуляло солнце по роскошным грудям,
По между ног висящим праздно мудям,
Какой нам открывался антураж,
Подробно мы описывать не будем.

Короче, мы пришли на этот пляж,
Где был фатален лёгкий эпатаж,
И появление женщин вызывало
Чуть сдерживаемый ажиотаж.

Жара невыносимая стояла,
Из голых тел вытапливала сало,
И с запада, затаивая звук,
К нам грозовая туча подползала.

На травке засыпала я, как вдруг,
Внимание привлёк бегущий жук,
Цвет крыльев чуть светлей
английской красной,
В движеньях – суетливость и испуг.

Бедняга волновался не напрасно,
Среди песка он выбрал путь опасный,
В тени еловой хвои и ветвей
Он скоро будет съеден, это ясно.

Какой-то мелкий чёрный муравей
Вцепился в ногу челюстью своей,
Я позвала на помощь Николая,
Дремавшего над сборником статей.

Нас поразила эта сила злая,
Что, лапками в песке перебирая,
Держала жертву много раз мощней,
Добычу ни на миг не выпуская.

Чем меньше хищник, тем ещё страшней,
Висел, не разжимая челюстей,
Другой палач хватал вторую ногу,
И к морде лезла пара сволочей.

Вертелся жук, слабея понемногу,
Со всех сторон кусаемый жестоко,
Ещё рывок отчаянный, и вот –
Упал на муравьиною дорогу.

Мгновенно совершён переворот,
Один из них взобрался на живот,
Находит нервный центр, туда кусает,
И жук на свете больше не живёт.

История, до ужаса простая,
Нас с Николаем сильно потрясает,
Мы делаем из фляжки два глотка,
Из виду ничего не упуская.

Рукой подать до муравейника,
Да ноша оказалась велика;
Животными инстинктами влекомы,
Зря погубили рыжего жука.

Такие сцены слишком нам знакомы,
Нашли ещё, чем можно удивить!
И жуткие становятся фантомы
Лишь кучкой бестолковых насекомых.

.....

Вот так и в нас солдаты-муравьи
Вонзают ловко челюсти свои,
Внештатные ревнителю культуры,
Пытаясь нервный импульс подавить

И уничтожить для литературы.

7

 проходя мимо,
 и дела мне нет,
 невольно замечаю,
 как вслед за каплей дождя
 фонарь, словно наклонился,
 лужа, словно отпрянула

 Внезапное несчастье
 заставляет идти
 по самому краю тротуара,
 прижимаясь к стене,
 безотчетно.

 какая-то тишина стоит над сквером,
 тепло, безветренно,
 тополей, словно нет,
 почки едва шевелятся,
 людей на лавочках - множество.
 И если подойти ближе - слышно,
 как одна, потемневшая лицом женщина,
 говорит другой:
 и я его по морде, по морде...

*Я верю не в непобедимость зла,
 а только в неизбежность поражения.*
 Г.Иванов
 Римской, кованной пятой,
 от запятой к запятой
 долго шло заседание.
 И подрались рабочие на станции,

и солдаты взяли за оружие,
 и партизаны в лесу зашевелили ветками
 в ожидании гения...
 И когда снизошла тень его,
 написал стихотворение
 эмигрант, живший во Франции.

 стежки и дорожки,
 на пустой платформе крошки,
 музыка в окошке
 взгляд девушки
 незаметно ловящий
 другие взгляды
 лунками нижних век
 кажется, так смотрят
 чаще в провинции

 жарко, голубь медленно входит в лужу,
 старуха, обвязанная белым платком,
 что-то исступленно говорит о сатане.

 Цикорий и полынь, и яблоко жуют,
 и шаркают в неподражаемой развалке,
 репейник на шнурках, уют
 полынью и цикорием поросшей свалки.
 По горизонту тянутся леса
 и бабочка летает под ногами.
 и память, уходящая, как камень,
 под воду, к небосводу, к небесам,
 чуть смешиваясь с ряской и с кругами,
 с движеньем годового колеса
 переступает детскими ногами.

 все как в кино
 несколько своеобразных деталей
 в слишком обычном пейзаже
 есть любовь и горе
 старость и жалость
 а по краям где-то
 животные
 индейцы
 война
 жестокость
 садизм
 а что бы вы хотели?
 если не этого
 обычного
 то может быть
 чего-нибудь
 и совсем дурного?

 под желтым зонтиком
 под фонарем
 теплее смотреть
 что там ветер
 с ветками делает
 следить
 как вереница ламп
 повторяет
 изгиб улицы
 кто-то устроил здесь освещение
 а мог бы убить
 или не мог убить
 смех
 похожий на сухой хлеб
 пивной тембр
 звякнувших бутылок
 напряженно-наставительный
 полупешот
 полупьяного голоса

ИСПОВЕДЬ

Жизнь так похожа на самоубийство;
 Что же я делаю... и зачем?
 Удивление, ужас, отчаяние
 Сменяются просто страхом,
 Что все догадаются,
 А после скукой –
 Все и так уже знают;
 Тело спадает как шелуха –
 Явление смерти,
 Но мне кажется, так было всегда,
 Иногда я забывалась,
 Дрожала, плакала,
 Смотрела как стынют деревья,
 И нетерпение гнала меня,
 И я кого-то гнала,
 Ругалась, рожала,
 А деревья постепенно
 Выгоняли листву
 Не так быстро, но гораздо смелее –
 Настоящие зеленые листья,
 Маленькие и круглые
 Как ладошки моих детей,
 А потом теряли их –
 Одного за другим,
 И каменели, стыли,
 Не боясь ни молчания,
 Ни боли, ни смерти.
 Помню, мне было шесть лет,
 Когда я поняла,
 Что не смогу – вот так,

И пошла, пошла,
 Так оно и идет, идет...

КРЕЩЕНИЕ

Вот благо сыплется на нас,
 И тихая ложится влага,
 Качает дерево рога,
 И вместо манны только снега,
 Вздрогнув, касается рука.
 Чего? Земли, воды, огня
 Или небес? Зачем так нежно,
 Роскошно, празднично, безгрешно,
 Заботливо, тепло, утешно
 Всех укрывает и меня;
 Помойку всю и наготу
 И все – в крещенское убранство.
 Земля венчается на царство;
 Всю немоту и черноту
 И боль, и горечь и тщету –
 Струей веселой иорданской.

 Пустыня – это бездорожье,
 По бездорожью кто ж пройдет,
 Душа от страха изнеможет,
 Кто и куда меня ведет
 Не вижу я, не понимаю –
 Не все ль равно идти или
 Стоять, в себе душа немая

Как ноги стертые болит.
 И пустоты не утешает
 Ни снедь, ни сон, тоска одна
 Как сильный ветер разрывает
 На мне покров из полотна.

 Есть окно, не в компьютере, есть окно.
 Открывает его не пароль, но боль,
 Слишком слабая боль, чтобы стать судьбой,
 Никого не утешит такая боль.

Для него не надо входить в меню,
 С подоконника просто убрать цветы,
 Они будут расти, они будут жить,
 Неповинны они, что не хочешь ты.

 Не хочу убивать Тебя раз в неделю,
 Хватит, лучше допью свою водку
 (Такая дрянь и совсем не пьянеешь)
 Ты много даешь за товар негодный,
 Дурной товар, а бежать как шавка
 По Твоим следам мне не хватит веры.
 Вот опять тошнит – умирать не сладко,
 Но смерть как раз моего размера.

Если память останется – не забуду
 Над шиповником света живую стену...
 Я не знаю, почувствовал ли Иуда,
 Я не смею – верни мне мою лишь цену.

Все перепады и безумства ноября,
все листья черные, все ветреные ночи,
когда вода в Неве вскипает, и не зря
правитель бронзовый по площадям грохочет.
И просыпаешься в постели не своей,
защиты ищешь у чужого дома.
Бездумная эротика ветвей,
раздетых ветром — так знакома.
Пусть обнаженность — только бы не ложь,
и шарф, как в детстве, кажется позорным...
Тогда стоишь в ночи с открытым горлом
и ждешь.

Двор проходной или дом проходной —
это по-нашему. Ветер сырой
то ли болотный, то ли балтийский
не остановишь искусным витийством.
Ибо сквозные у нас переходы
в доме, дворе и душе — а погоды
здесь ни при чем. Только жалобно: «Чи вы?»
женщина, чайка ли спросит... Дождливо,
солнечно — но неизменно избиты
чувств проходных повороты, изгибы.

Казенная дача, любовной удачей
не скрыть от ушей за стеной.
На утренней кухне инкогнито рухнет,
того, кто был ночью с тобой.

И я здесь стояла, и я наблюдала,
как входит соседка, неся два бокала,
две ложки, две вилки, остатки салата,
ни в чем не виновна, а все ж — виновата.

Казенные стены, огромные уши.
Уткнуться в подушку, не слышать, не слушать,
как плачет ребенок и радио воеет,
как дышит прерывисто счастье чужое.

Ты ведь тоже, в сущности, одинок,
несмотря на жену, собаку, дом в предместье
мегаполиса... Знай, сверчок, свой шесток
и благодари за то, что пока есть он.

А еще за то, что — была и был,
то есть — были, то есть — всегда виновны.
Стрекочи, сверчок, из последних сил,
наждаком води по душе неровной.

Отскобли ее до последней той
белизны — подобья смертной рубахи...
Я ведь тоже... также... но голос мой
на хорей срывается и амфибрахий.

1897 год

Три мальчика в гимназии Введенской,
Три «русских немца» в курточках кургузых.
Стихов и скрипки легкое блаженство...
Влюбленность... Петербург... Но тенью Муза
Скользит меж ними, словно выбирая,
Присутствует незримо в разговорах...
Так этот?... Или тот высокий, с краю?..
Три мальчика — Фосс, Гун и Блок...
Который?..

В курортном городке, где Лермонтов бывал,
заглядывал в Провал, нарзан пивал,
с девицами шутил, гадал им по руке,
а после был убит всё в том же городке —
сегодня снегопад... До самого утра,
напившись кавминвод, гуляли юнкера.
Десантный полк стоит в курортном городке.
Чечня невдалеке, граница на замке.
И посетив Цветник, отдавая серных вод,
я поднялась туда, где лермонтовский грот,
где бронзовеет бюст, начищен — нету сил.
Я поднялась туда и стала у перил.
...Шел тихий долгий снег... Такая тишина
бывает меж боев, когда идет война.
Слепящей белизны бывает снег такой,
когда идешь с войны и знаешь, что — домой.
Война, войны, войне... Да что я и о чем?
Вон ворон пролетел над бронзовым плечом.
Устал, хотел присесть, но дальше держит путь.
Наверно, где-то там сумеет отдохнуть.
Наверно, где-то там (Чечня или Дагестан?)
лежит его обед, и кровь течет из ран.
И снится, может быть: в далеком-далеке
неслышно снег идет в курортном городке.
Опять спускаюсь вниз. Погода — благодать.
Десантный офицер пытается пристать.
На водах — как всегда... А завтра — может быть...
Но музыке играть... Но женщинам — любить...
И шелест черных крыл не слышен в вышине,
и бронзовый портрет подмигивает мне.

У нас была гражданская война,
окраина горела и взрывалась.
Огромная российская вина,
на всех разложенная — небольшой казалась.
Неважной то ж ... Главнее было — жить
сейчас, сегодня: не хватало денег,
ушел любимый, кончили топить,
а на дворе — мороз и понедельник.
Закроем форточку, ведь может просквозить,
хоть на дворе и потеплело вроде...
Молчи, молчи, НЕ СМЕЙ МЕНЯ БУДИТЬ,
когда гроза с окраины подходит.

Жизнь на развалинах, в руинах... Недорослем
почувствуешь себя, поскольку двери -
сплошь существительные... Собираем водоросли
с утра до вечера и ничему не верим,
все пробуя на зуб, на вкус, на запах,
на цвет, на ощупь... Солнце сядет скоро.
Готовимся к ночной охоте... Красный запад -
к большому ветру... Очертания собора
Исаакиевского и скелет Адмиралтейства,
пустая площадь со скалой пустой...
«Так вот когда мы вздумали родиться...»
Заросший лесом остров за спиной,
мгновенье счастья — пойманная крыса,
тепла мгновенье — вспыхнувшая книга,
которую когда-то... не дыша...
А сохшаяся, с кулачок, душа,
горбатая, уже полуслепая,
любви мгновенья также ожидает
и смеет радоваться, — все же хороша
жизнь на развалинах

Любовники в собрании гостей,
особенно — в компании своей,

где — все о всех, но ни ему, ни ей
не надобно внимания друзей.

Ни стол их не разделит, ни сосед
стола меж ними нет, соседа — нет.

И не просунешь лезвие ножа
в зазор меж ними... Грань, стена, межа —

в их словаре отсутствуют... А мы,
на их костер глядящие из тьмы...

Ночным зверям огонь слепит глаза.
Ученые, мы знаем: так нельзя.

И надо жить потом: не помнить зла,
встречаться у случайного стола,

поддерживать учтивый разговор,
стараясь не смотреть в чужой костер.

На белой осыпи песка,
у темно-серых вод залива,
там, где форты, гранит, тоска
и ветра грубые порывы,
плотнее кутайся в пальто,
корми усердно стаю чаек
и повторяй: никто, никто
не виноват, никто не чаял,
что обернется сединой,
кошмаром, отсыревшей ватой
то, что звучало: «Боже мой!
Благодарю тебя!» — когда-то.
Итак, — форты, гранит, пальто...
В перечисленье нет резона,
зато есть музыка, зато
ее парад, ее законы.
Маэстро, врежьте отходняк
на духовых, ударных, струнных,
ввергая чаек в кавардак
и сотрясая мир подлунный.
Средь неподсчитанных потерь
у кромки темно-серой бездны
Мы слышим музыку — теперь,
когда она рукой железной
все расставляет по местам,
безжалостно сметая ваты
кочки, как бесполезный хлам:
«благодарю»... «никто»... «когда-то».

Пусть никто от женщины не берет
ни тепла, ни хлеба, ни даже — любви.
Думаешь — свободен, а счет растет,
и тебя когда-нибудь удивит.

Ты и позабыл тот — звонок? визит?
разговор полночный, дрожащий рот.
А она слова твои повторит,
переставит, может быть, переврет.

Вот она рыдает, кругом неправы,
вот и ты стоишь, дурак дураком...
Вся твоя свобода — слова, слова,
плачущая женщина, остывший дом.

И ветка сирени в стихи попадала,
И строчек побеги росли средь кустов...
Но что-то случилось, и больше не стало
В стихи ненароком попавших цветов.

И птицы-синицы, и вольные стаи
Пичуг, коим мы имена нарекли,
Сначала в стихах распевать перестали,
А после и вовсе исчезли с земли.

Творения день, начинавшийся Словом,
Ужели закончен? И небу пора
Свернуться, как свиток, в преддверии новой,
Еще не осознанной пробы пера.
2001 г.

То бродячей собакой
Обернувшись, в глаза поглядит,
То в разбитом бараке
Одинокой старухой сидит,
То валяется пьяным
На снегу – инвалидом без ног,
Как чеченец изранен
И жестоко мучителен Бог.
1996

*Памяти Ивана Кадушкина
(Светлая неделя 2000 года)*

Дни открытых дверей
Для бедняг, оставляющих землю.
Белорус ли, еврей,
Иль чеченец – любого приемлют
В эти светлые дни
Высочайшей амнистии Божьей.
Улетают они
В мир, куда остальные не вхожи.
Там ни зла, ни мытарств
И ни муки, хмельной и повинной.
В величайшем из царств
Все легки, словно пух тополиный.
2002

ПИСЬМО ДЕРЕВА КУСТУ

Евгению Феоктистову

Любезный куст, я обращаюсь к Вам
В эпистолярной форме: Вы прекрасны!
Я в ученицы к Вам пойти согласна
Была бы... Да моим кривым ветвям,
Ох, Вашей грамоты не одолеть вовек.
Но шелест Ваш, но говор, скрип и шорох
В пространный диалог меня вовлек –
И вот уже листов меж нами ворох.
Любезный куст, я всматриваюсь в Вас
И вижу певчих птиц и скользких гадюк.
Средь волчьих ягод волчий глаз угадан,
И дивен насекомых перепляс.
У нас не так. У нас, простых дерев,
Все на виду: на мне сидит ворона,
И острыми когтями по коре
Дворовый кот дерет. И если крона
Еще поет – то потому, что Вам,
Любезный куст, я сочиняю оду:
Да будет благосклонна к Вам природа!
Да будут птицы петь по всем ветвям!
1983

На краткий миг земля и небо вместе,
На краткий миг – на праздник Рождества.
Бог, как всегда, не узнан, не известен,
В пристанище случайном ночевал.

И как всегда, мы не туда смотрели
И видели сгустившуюся тьму,
Не замечая тихой колыбели
И мудрецов, склонившихся к Немю.
1995

ПРИГЛАШЕНИЕ В ОРИНО

Прячутся в ивах подружки-ивнянки.
Леший пугает Охапкину Машу.
Дед на заборе развесил портянки.
Ветер кому-то за речкою машет.
Рядом с мочилом, затянутым тиной,
Бревна пилили Сергей с Валентиной.
На огороде крыжовник разросся,
Был он украден масоном-Иваном
У зазевавшихся великороссов,
И плодоносит теперь постоянно.
Солнечным лучиком Минченко Алла
Тут появлялась, там пробегала.
Иосельзон поселяется в речке
И притворяется камнем лежащим,
Рыбки вокруг Вовки, как мышки вокруг печки,
Свой хоровод образуют блестящий.
Цепи времен громыхавшие звенья
Здесь обронули златые мгновенья.
Звери и птицы, растенья и рыбы
Всех приглашают – кто был и кто не был –
В Орино наше, где все бы нашли бы
Что кому надо: кто – землю, кто – небо.
1994

Здесь аист превращается в старуху,
В платочке белом, с черною кошелкой.
Простые, как цветы, земные духи,
Благоухают и сбивают с толку.
А телеграммы, если и доходят
По лунным нитям из неясных далей,
В них все не так: иное время года,
Да и не вспомнить, чтобы так нас звали.
Уехать – значит то же, что проснуться.
Проснуться – значит то же, что уехать.
А можно в аиста на время обернуться,
А можно мхом покрыться или мехом.
В пространстве много потайных калиток,
А капли времени в глуши материальны.
И куст смородины темнеет от улиток,
И притчи прячутся в их домиках спиральных.
1995 г.

НОЧЬ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Египетская ночь. Луна близка.
Прямая и широкая дорога
Лежит средь волн. Идти совсем немного,
По серебру ступая на носках.
И тихо ахнув, вспоминает тело
Былую легкость, скидывая смело
Земные знания, – вот, они – у ног.
Путь недалек, доступен и нестрашен.
Здесь мир иной стоит вплотную с нашим,
А всякий смертный – наг и одинок.
И воеет некто, с песьей головой,
И пристально глядит птицеголовый:
Добыча их близка – у кромки межевой,
Да что-то медлит, сон распутывает свой,
Все ищет ощупью спасительное слово.
1993

Грише Ковалеву

Борьба с депрессией – вот, сущность бытия,
И Гриша это знает, как и я.
Победа открывает нам ворота,
Скрипучие и ржавые. Куда?
В какую даль воночную пойдём?
Что на помойке солнечной найдём?
За поворотом мат мордворота,
Музыка сфер – ламбада-лабуда.
Но Гриша, Гриша, что-то все же есть.
Иначе, почему благая весть,
Пройдя сквозь толщу темную над нами,
В который раз рождается в строке?
С чьим словом жернова сопряжена,
Когда стоим, тоской окружены,
А камень опускается на камень,
На этот раз – уже невдалеке.
1994

Ну, вот, и прошла середину
Веселой дороги земной.
И ветром повеяло в спину,
И сумрачный лес за спиной.
Прощайте, деревья и тени,
Воды и земли существа.
Я вышла из ваших владний,
И сзади сомкнулась листва.
И отсветы давних любовей,
Подобные вспышкам зарниц,
Уходят с порой грозовой,
Сменяясь беспечностью птиц.
Туман размело, слава Богу,
И тайное вышло на свет.
Душа, завершая дорогу,
На все получила ответ.
Потом, опустясь на колени,
Принять, как последний обет:
Остаться одной из ступеней
Бескрайней дороги к Тебе.
1993

Никто из нас не совершенен,
Но беглый отблеск Божества
Пройдет по лицам – где застал –
Внезапно, и сродни крушенью.
Возможно ли готовым быть
К Преображению Господню?
Мы все изменимся. Но к поздней
Успеем трапезе прибыть.
Ну, а пока – не отвести
Мне глаз от занавеси яркой,
И жизнь щедря, ее подарки
Разложены на всем пути.
1994

ПОЛЁТ ЛЕТАЮЩИХ РЫБОК

В стремлении туда, откуда свет
Пронизывает толщу наших лет,
Мысль легкая летающей рыбкой
Взметнулась прочь из темной глубины.
Полет недолог, крылья не сильны,
Но скажешь: «Ах!» и выронишь улыбку.
Летучей рыбки проблеск над волной
Подводной тайной делится со мной,
Из мира моря в небо вылетая.
А надо мной, кричащей: «ох!» и «ах!»,
Сейчас, наверно, видят в небесах
Такую же серебряную стаю.
1990

В этом доме не ждали меня никогда,
здесь играли в другие игрушки –
из каленых камней, из прожженного льда.
Я пришла. Я попала в ловушку.

Не однажды скользила – вот так же – двором,
время года – любое, на выбор,
безошибочно чужа холодным нутром –
ты упустишь меня, милый рыбарь.

Так кружило мне голову имя твое,
что сказать ничего не умела,
и чужое из книжек цедя забытье,
только раз отступить посмела.

Оказалось достаточно. Вот она, месь –
ты смеешься с иной параллели,
я же сети твои почитаю за честь
и выпутываюсь – еле-еле.

Покуда голос равнодушный
твои грехи перечисляет,
ты отпускаешь змей воздушный,
следишь, как ловко он петляет,
язвит незримые потоки,
как будто говорит: прорвемся,
еще не вышли наши сроки,
сейчас мы с *Этим* разберемся...

Но разве *это* – не свобода?
И ты смеешься над собою.

Восход? Не надобно восхода.
Хочу гудбая и отбоя.

В АЛЬБОМ М.Щ.

*...но видишь – Ахтубу и Волгу,
но видишь – Истру и Протву.
Вл. Салимон*

Никому не любезно мое бытие –
мне самой-то оно не любезно.
А рiогi творить королевство свое –
что птенцами прикармливать бездну.

Чьи-то слезы вослед уходящему вдаль
неизбычны – и несообразны.
Вертухаем на вышке надцатый февраль
неровен – подчинится соблазну.

Поглощается звук, отражается свет.
Притупляется боль небылицей.
Неизвестно на что был получен ответ –
третий год на комод пылится.

Судьбоносная рыбка системы плотва
не ущучит подвохов течения:
“Как же Волга, когда не кончалась Протва?” –
словно это имеет значенье.

Те же сети повсюду, кляни не кляни –
в бога, в душу /особенно – в сына/.
Все одно – не хватает для сердца брони
и для полного счастья – алтына.

*Светлой памяти
Александра Кайдановского*

Темная нежность /едва ли жалость/
к бедному свету, его обывателям
стаяла, с палой листвою смешалась –
мне ли, стороннему наблюдателю,

в горле комок ощутив осенний,
злей ланцелотика безоружного
биться с драконом костров забвенья,
выспренным слогом стиха натужного

всепожиряющей алчной пасти
противоречить, из лап выхватывать
эти кристаллики псевдосчастья
солонь-горько-шероховатого –

я ли, спеша в Семикаракоры,
выйду в Ростове, чтоб меж вокзалами
в притормознувшем таксомоторе
таксидермиста с глазами-жалами

к черту послать, до ближайшей шахты –
и насладиться его бессилием
взять за живое в последнем акте
окаменевающую рептилию –

basta... стежок несуровой нитки,
край пустоты обметать пытавшейся,
зряшней при хвойном венке визитки:
что им, ушедшим – и нам, оставшимся?

ИСХОД

Болгары ушли в Болгарию.
Греки ушли в Грецию.
Испанцы ушли в Испанию.
Китайцы ушли в Китай.
Поляки ушли в Польшу.
Турки ушли в Турцию.
Французы ушли во Францию.
Немцы ушли в Германию.
Евреи ушли в Израиль...

Армяне ушли с Арменией.
Белорусы ушли с Белоруссией.
Грузины ушли с Грузией.
Киргизы ушли с Киргизией.
Латыши ушли с Латвией.
Молдаване ушли с Молдавией.
Туркмены ушли с Туркменией.
Украинцы ушли с Украиной.
Эстонцы ушли с Эстонией...

Русские остались в Эстонии.
Русские остались на Украине.
Русские остались в Туркмении.
Русские остались в Молдавии.
Русские остались в Латвии.
Русские остались в Киргизии.
Русские остались в Грузии.
Русские остались в Белоруссии.
Русские остались в Армении...

(Навечно остались в Афганистане.
Навечно остались в Болгарии.
Навечно остались в Германии.
Навечно остались в Испании.
Навечно остались в Италии.
Навечно остались в Польше.
Навечно остались в Турции.
Навечно остались в Финляндии.
Навечно остались во Франции...)

Русские ушли с евреями.
Русские ушли с немцами.
Русские ушли с французами.
Русские ушли с турками.
Русские ушли с поляками.
Русские ушли с китайцами.
Русские ушли с испанцами.
Русские ушли с греками.
Русские ушли с болгарами...

Русские оказались болгарами.
Русские оказались греками.
Русские оказались испанцами.
Русские оказались китайцами.
Русские оказались поляками.
Русские оказались турками.
Русские оказались французами.
Русские оказались немцами.
Русские оказались литовцами.
Русские оказались шведами.
Русские оказались монголами.
Русские оказались татарами.
Русские оказались евреями...

Россия, таков исход.

Человечество, ты домолчалось...
Сразу в крик: «И когда ж я молчал?!
Было слово сначала».
Да слово твое – холодный свинец,
Свиной холодец.
Ты о сути, по сути, молчал –
По мелочам разорялось.
Как сорока трещало,
как дятел стучало
(знай стучало, да не скучало)
и достукалось, достучалось –
друг на друга – друг другу,

друг на друга – Богу,
друг другу – **на** Бога, –
не **до** Бога ты достучалось.
«Не язык – помело, мочало.
Онемело б оно, замолчало,» –
подумал Господь в сердцах.
Вот когда намолчалось ты всласть.
До всего ты уже домолчалось:
до Каина, до Содома,
до войны столетней – стовечной,
воровства, коварства и варварства,
до беспечности, бесчеловечности.
И когда все живое ждет
(или кто-то один – рядом),
быть или не быть, –
не ответ даешь на вопрос –
убийственного молчания
чашу с ядом.
И само ты собой изувечено –
ничего в тебе нет человеческого.
Ты с рожденья больно и не лечишься.
От Адама ли, от обезьяны –
красной нитью из века в век
так и тянешь свои изьяны.
В общей сложности ты, человечество,
омерзительный человек.
Ну, подумаешь, что за малость:
промолчало да отмолчалось.
Может, просто ты замечалось?
Может, мыслями к звездам умчалось?
Может, вовсе к звездам умчалось?
Может, нет тебя на Земле?
Может, ты на безвестной звезде?
Может, н и г д е ?
По галактикам разметалось,
испарилось, распалось, сломалось
от всего, до чего домолчалось.

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

...Да, в русском языке слово поэзия – женского рода. Поэтому, быть может, и женщин, пишущих стихи, в избытке. Можно уповать на мужские приоритеты в лирической поэзии, если бы не полный крах брутальности, тяготение к Вечной Женственности и сомнения в половой самоидентификации, смутившие эстетов XX-XXI вв. Да и стихи, как и стихии, – вне пола, а толковать, кто полнее выразил и воплотил в слове смятение человека начала XX века – Гиппиус или Кузьмин, Мандельштам или Ахматова, Пастернак или Цветаева – дело благодарное, ибо найдутся свидетельства «переступания границ половой принадлежности», выраженные и в творчестве, и в бытовом поведении едва ли не всех перечисленных и не перечисленных поэтов.

Можно еще потолковать о преобладании У-ка над Х-ом в хромосомном составе творческих особей, но и это пустое. Пустобрехства, многословия, слезливости и тоски по ушедшей любви, мольбы о невозможном счастье в «мужской» поэзии ничуть не меньше, чем в «женской», и влияние на современную поэзию оказали не только авторы, чьи фамилии имеют мужские окончания /думаю, что такая форма определения наиболее корректна/, а за примерами и ходить далеко не надо – ахматовские сироты у всех на виду. А уж что до плохих стихов, то за многие века авторы мужеска пола написали их несметное количество.

Уверена, что самое ценное в стихах – свидетельство о человеке, о мучительном преодолении мирового хаоса и энтропии...

В стихах, написанных женщинами, меньше игры – игра удел мужчин, удел женщин – ответственность, на ней и полагается философия женского творчества.

Все остальные различия обусловлены только культурной традицией.

АКТ представляет двух авторов: **Наталью Малаховскую** /активную участницу феминистского движения, одного из соредкторов журнала «Мария»/ и **Аллу Минченко** /подругу и музу многих поэтов и художников неофициальной культуры второй половины ушедшего века/.

Тамара Буковская

РАЗОРВАТЬ ЧЁРНЫЙ МЕШОК

«Разорвать чёрный мешок. Из него вылезет, разрывая дырявые нитки, небольшое тело. Очень противное на вид. И поползёт оно по твоим коленям, извиваясь и чуть взблескивая чешуёй. Потом оно уползёт в канаву и войдёт в чёрную незаметную дырку в земле, в скрытый опальными листьями проход. Туда уйдёт змея твоего недоверия ко мне, и зарастёт дыра твоего сомнения во мне», – так мне писала одна женщина. Сидя в своём саду, она разрисовывала лист бумаги розовым по голубому, или наоборот. Если приглядеться, розовый цвет был золотистым, а голубой – бирюзовым, и она врисовывала один квадрат в другой, а поверх она рисовала морозные узоры и говорила: «Придёт зима, ну что ж. И зимой бывает красиво. Бывают же и зимой такие вот блестящие узоры на окнах. И они ведь никогда уже не завянут». Так говорила она, забывая, что и на старуху бывает поруха, и что ледяные узоры никогда не завянут, зато они растают, и гораздо быстрее, чем умирают живые настоящие цветы. Они превратятся в отблеск и в дребедень, капнет чуть-чуть что-то, проведёт душа чистой тряпочкой по стеклу и скажет: «Уже всё. Горе прошло. Горя и не было никогда, если приглядеться. Окно сияет и поёт. На нём не было никогда никаких замороженных цветов».

НА ГОРЕ

Мы стояли на верху высочайшей горы. Вечер внизу качался у наших ног, как золотой прибой. Мы только что вышли из театра. Сзади поднимались высокие колонны, такие, как в древней Греции, но они были ещё не древними. Они были новыми, и крепкими, и насквозь пронзёнными солнцем.

Мы были частью счастливой толпы, красивой, и нарядной, и благоуханной. Мы все спускались вниз, проходили по широкой, просторной лестнице. Мы могли бы пойти по правой её стороне или по левой, но толпа понесла нас и вынесла направо, и мы с тобой, мы пошли справа. Всё так же улыбаясь друг другу и всем вокруг, мы спускались по лестнице, и ты взял меня за руку.

Вдруг я увидела, что те, кто шли перед нами, уже скатились в чёрную яму: перед нами был обрыв, словно вырытый экскаватором. Перед нами не было ни одного человека, и теперь пришла наша очередь: чёрная земля глянула на нас, разломав все ступени. А слева спускались спокойно по невредимым ступеням счастливые люди, улыбаясь и шутя и радуясь последним лучам заходящего солнца.

Наталья Малаховская

БОГИНЯ ПУСТОТЫ

Моим улетевшим друзьям

Как изменился неспроста
пейзаж за окнами машины:
пригорки сгладились в равнину,
и – ни осины, ни куста:
всё – чистота и пустота.

В твой храм, богиня пустоты,
мы погружаемся не сразу,
не сразу различает разум
твои небесные черты,

твоё небесное ничто,
так раздаваемое щедро
любому, кто достал листок
означенный, и сотню метров
преодолеет сквозь вой и дым
навстречу к ангелам твоим.

Последний взгляд, последний крик, –
все воздымают руки к небу:
и друг, и брат, как будто не был,
исчезнет вдруг из глаз твоих.

Не дрогнет белое крыло,
захватит дух восторг полёта...
Ещё сверкнуло в небе что-то –
и в даль вонзилось, и ушло.

Где два крыла и тень хвоста
мелькнули, смытые слезами, –

уже сияет пустота
своими светлыми глазами.

От суеты и маеты,
от лжи, насилия, неволи
лишь ты, богиня пустоты,
спасаешь нас целебной болью,

но в твой высокий, чистый храм
не можем мы проникнуть сразу,
и не поймёт наш бедный разум
всё то, что мы увидим там.

*22 июня 1980г.,
Ленинградский аэропорт.*

НЕМОТА, ПОДРУГА ПУСТОТЫ

Так много слов,
что лучше не сказать
ни слова
и в молчанье оставаться,
как в тёмной дымке – дымом изгибаться,
не шевелиться в чугуне оков.

И если замереть, совсем уснуть,
к сухой былинке
всей душой прикинув,
то, может быть, и гнев слепых стихий
моих волос склонённых не коснётся,
и молнии кулак не раздробит
уже иссякший, высохший источник.

Так, если замереть, чтоб лишь волос
сухой поток в пространстве шевелился
с травой вместе в глухоте ветров,
не трогающих больше боль состава
горячего, волшебного когда-то,
так, если замереть, совсем уснуть.

Ведь немота в себе скрывает
всё:
в ней мнится тайны пропасть,
шевельенье
подводных трав и тёмных рыб
мерцанье
и скользких глыб качающийся мох.

Ведь молчаливый без усилий
вглубь
вникает, тишь, как воду,
разгребая,
а говорящий на ладони два
безликих камушка
со дна выносит,
чтоб наблюдать,
как на глазах они
теряют влаги блеск и драгоценность.

Ведь немота – основа бытия –
живёт в тени,
на грани узнаванья,
сама себе
и мерка, и судья,
и только слову нужно
оправданье.

ВИKTOPУ ШИРАЛИ

Отзовись зряче Око!
По плечу жизнь и плач,
и крестового срока
Беспощадный Палач.
Боже, смилуйся ради
белокрылой строки,
смертной теплой тетради,
и дрожащей руки.
1997

ВЛЮБЛЁННЫЙ ВЕЧЕР

По имени – званна, не званна?
Привычная честь – гостевать.
В субботу тревожно и рано,
предать свои сны и кровать.
Прической заняться и кожей,
на призрачной голове,
чтоб мной восхищался прохожий,
чтоб в честь мою множество свеч
зажглись над хрустальной люстрой,
и Вечер волшебю кружась,
дарил бы ответные чувства,
и с певчими птицами связь.
1978

ПОРТРЕТ МУЖА

Цветы брусники, желтый анемон,
стрекозы крылья, глаз вечерних лен,
ты – в алом цвете ноты «ля»,
на горизонте – белый абрис корабля.
1990

Из той величественной были,
где церковь, солнце и погост,
молитвы всеночные всплыли,
и запах ладана.
Был пост.
До Рождества еще неделя.
Мы древний Образ вслух пропели,
прося, помилуй нас Христос.
1989

ОТ БЫТИЯ ДО БЫТИЯ

От бытия до Бытия
подробный долгий срок.
Пока еще вот пес прилег,
цветет на пальме бел – цветок.
Вчера исписанный листок
послала в Кливленд я.

Еще пока друзей звонки,
и, если грусть, то все же есть
пожатые теплое руки,
и ты, любимый – здесь.
1998

Я никому не расскажу,
как славно счастливо живу.
Плыву среди тихих волн и чаек
на пальцах рук своих кружу.
По мелководию залива
бегу к черте на зыбь отлива,
и мелких рыб смотрю, смеясь,
опутав ноги злодеей.
Меж солнцем, мной и небом связь.
Июньским воздухом пьянею.
1994

КЗЫЛ-ОРДА (из поэмы)

В степи – шатер. Зеленый чай в пиалах.
Прядет старуха ниточку верблюжью,
и тихо тянет песнь об аксакалах.
Старик меня вдруг взглядом обнаружил.
1976

*Лене Пудовкиной, Ольге Корсуновой,
Налею Подольскому, Андрею Геннадиеву,
Владимиру Гоосу и другим друзьям
тех вечеров у Наля (на крыше дома
на Проспекте Декабристов)*

Все семь свечей, все семь свечей
горели пристально, тягуче.
День уходил и вечерел,
и Временем протяжно мучил.

Я узнавала вновь друзей.
Лепились образы их глуше.
Конечно, Наль, и мне налей
вина, чтобы не смела рушить

я календарь почетных встреч,
не разлюбила бы их смысла.
Терялись в лицах тихо речь
и мной назначенные числа.

Из нас один подслушал всех,
и в карандашные наброски
пролил любви горчайший грех,
и окунул в огарки воска.

Мы, ослепленные навек,
слились в разноименный образ.
Прекрасный слепок и отсек,
в котором выкачали воздух.
1978